

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

**СПЕЦИАЛИСТ XXI ВЕКА:
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ**

Сборник материалов V Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 20—22 октября 2016 года)

Барановичи
БарГУ
2016

Включены материалы докладов V Международной научно-практической конференции «Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность» по актуальным проблемам следующих научных дисциплин и направлений: психология, педагогика, филология, лингвистика и методика преподавания иностранных языков, человек в обществе, организация здоровьесбережения, обучение, воспитание и развитие дошкольников.

Адресовано преподавателям и студентам учреждений высшего образования, магистрантам, аспирантам.

Редакционная коллегия:

А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Прадун, Н. Ф. Захарченя (отв. секретари),
Е. А. Клещёва, Е. Ф. Нестер, К. С. Тристеня, А. В. Демидович, Е. И. Белая, О. Н. Фенчук,
И. В. Пинюта, А. А. Савко

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы учреждения
образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» О. Е. Панькова

времени, которые по принципу «снежного кома» получают более детализированное оформление в сознании и языке. На основании вышеизложенных идей видится вполне обоснованной мысль о *контекстуальном* прошлом, настоящем и будущем.

Культурно-специфичным для английского языка является также *распределение значений в первичной триаде* относительного времени: факт темпорального совпадения практически не обрастает дополнительными оттенками, тогда как предшествование и следование демонстрируют более богатый интенционал и/или импликационал значения. При сравнительной традиционности добавочных смыслов значимости, ожидания и подготовки к более важному событию в плане предшествования, сознания непрерывности и незамедлительности последующего события можно считать культурно-маркированными.

Среди прочих представителей исходной триады релятивного времени следует уделить внимание лексическим единицам *early/late*. В одном из своих значений они трактуются в контексте событийного цикла и тем самым приближаются к значению начала/конца события: *early* — of, relating to, or occurring near the **beginning** of a period of time; *late* — of or relating to an **advanced** stage in point of time. В английском языке существуют идиоматические сочетания: *late hours* — поздно вечером, позднее время; *in the (wee) small/early hours* — в предраусветные часы; *to be late in the day* — поздноватое, слишком поздно. Из примеров следует, что системное использование прилагательных в данном значении является специфичной чертой английского языка: в русском, например, при передаче того же содержания реальности нередко предпочтение отдаётся наречиям.

Вышеуказанная тенденция широко используется при обращении к частям суток: *in the early afternoon* — рано днём, *late in the morning* — поздно утром; равно как и к более длительным промежуткам времени: *late in August* — в конце августа, *in early May* — в первых числах мая, *in early 2016* — в начале 2016 года. В полной мере идиоматичность квалификаторов *early/late* проявляется при описании возраста человека: *a man in his early 20th* — человек двадцати с небольшим лет. При переводе на русский язык необходимо подбирать альтернативные средства выражения содержания, так как наречия «рано/поздно» неприемлемы.

Впервые на подобное использование прилагательных и наречий *early/late* с наименованиями частей суток в английском языке обратила внимание в своём исследовании И. Н. Кузьмич. Мы поддерживаем точку зрения учёного в том, что подобные модели референции ко времени эксплицируют не только собственно языковую особенность, но и культурное отличие англоязычного социума: «членение суток на периоды отличается здесь большей детализацией» [2, с. 12].

Заключение. Исходная триада относительного времени в наибольшей мере среди всей необразной собственно темпоральной лексики проявляет *связь с пространством* и имеет тенденцию к *специфичным темпоральным референциям*. Она характеризуется *когнитивно-языковой свёрнутостью* и *малой представленностью описательных способов* вербализации темпоральных смыслов. Приоритет при этом, как нам видится, отдаётся модусам прошлого, настоящего и будущего с их менее книжными репрезентантами и большим количеством представителей комбинаторного, неоднородного типа.

Список цитируемых источников

1. Нешименко Г. П. К постановке проблемы «язык как средство трансляции культуры» // Язык как средство трансляции культуры. М. : Наука, 2000. С. 30—45.
2. Кузьмич И. Н. Референция к пространству и времени как элемент языковой картины мира (на материале североамериканского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Минск, 2004. 19 с.

УДК 81. 373

Ж. Б. Манкевич, Н. П. Сенюта

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ “MAN” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Анализируя ситуации, которые сложились на рынке труда в сферах политики и управления, в образовании, в социально-бытовой среде и, прежде всего, в институте брака и семьи, исследователи начали говорить о кризисе мужской гендерной роли — в первую очередь, о кризисе мужественности [1]. Женщины обвиняют сильный пол в потере истинно мужских качеств, последние настаивают на пересмотре классического образа мужественности, поскольку в современном мире нет места гераклам и рыцарям. Нынче мужчина утончён, с отполированными ногтями, брезгует тяжёлым физическим трудом, обострённо чувствителен и не стыдится слёз, а также не

запрещает жене заниматься тяжёлым физическим трудом и обеспечивать семью. Такие изменения в обществе, безусловно, вызывают интерес учёных из разных областей знания.

В настоящее время наблюдается рост гендерных исследований в психологии в основном в рамках etic-подхода — сравнительные исследования мужчин и женщин. Etic-подход, анализирующий представителей одной гендерной группы, представлен в единичных работах и, как правило, затрагивает женщин (Л. Н. Кулешова, Е. В. Кумыкова, Л. В. Попова и др.) или квир-сообщества (Д. В. Воронцов, С. В. Мелков и др.). Занимаются гендером и современные социологи (Н. Ю. Данилова, Е. А. Здравомыслова, М. Г. Котовская, Е. Ю. Мещеркина, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.), философы (С. В. Жеребкин, И. С. Кон и др.), социальные антропологи (Д. В. Громов, С. А. Ушакин и др.). Значительно уступают по численности лингвистические исследования в области гендера, особенно мужские. В то же время образ современного мужчины нельзя считать окончательно оформленным без учёта его лингвистической составляющей. Изменения в обществе обязательно отражаются в языке, а изучение языка на определённом историческом отрезке отвечает на многие вопросы философов, психологов, культурологов и т. п. Мужские исследования в зарубежной и отечественной лингвистике уступают женским [2], что свидетельствует об актуальности обозначенной проблемы.

Основная часть. В рамках комплексного сопоставительного исследования, проводимого на материале русского и английского языков, нами отдельно рассматривался структурно-содержательный компонент семантического поля «мужчина», “*man*” и его фразеологическая составляющая.

Анализ словарной статьи “*man*” в “Oxford Student’s Dictionary of Current English” (A. S. Hornby) позволил выделить компоненты лексико-семантического поля “*man*”.

Man (noun): 1) *adult male human being*; 2) *human being; person*; 3) *the human race; all mankind*; 4) *male person under the authority of another*; 5) *male person having the qualities (eg. strength, confidence) associated with man*; 6) *husband*; 7) *piece in chess, etc.*; 8) “*man*” as a part of compound words denoting different professions; 9) “*man*” as part of compound words denoting a big size, strength; 10) “*man*” as part of compound words, denoting things or processes which appear or are activated with the help of a man.

В результате конверсии от существительного “*man*” образовался глагол “*to man*”. Его лексико-семантическое микрополе: 1) укомплектовывать кадрами, персоналом; 2) укомплектовывать личным составом; ставить людей к орудию (воен.); 3) посадить людей на транспорт; 4) *to man a boat* — сажать гребцов на шлюпку; 5) занять позиции; 6) собрать всё своё мужество, мужаться, взять себя в руки; 7) приручать (например сокола).

Из приведённых выше значений глагола “*to man*” (по словарю Ю. Д. Апресяна) мы встречаем лишь один русский эквивалент с корнем –муж- — мужаться, и одно словосочетание со словом «люди». Для человека, хорошо знающего английский язык, не составит труда понять мотивационную природу значений глагола “*to man*”: в 1, 2, 3, 4 и 5-м случаях имеется в виду приведение в действие организации или машины при помощи человека. Поскольку в штат организации могут входить не только мужчины, но и женщины (то же касается и приведения в действие машины и механизмов), то в 1—5-м значениях глагола “*to man*” преимущество принадлежит скорее семье «человек», нежели «мужчина» (т. е. используется для обозначения представителей обоих полов).

В процессе проведения качественного анализа лексических единиц с компонентом “*man*”, выделенных из русских и английских лексикографических источников, чётко обозначилось 10 тематических групп.

Компонент “*man*” в названиях растений: *mandarin, manolrake, mangcorn, mangel-wurzel*.

Компонент “*man*” в названиях животных или частей тела: *man-ape, manatee, mandibulate, man-eater*.

Нельзя представить жизнь человека без пищи и принадлежностей для её приёма. Видно поэтому компонент “*man*” особенно органично смотрится в составе данных лексических единиц: *manducate, manducation, manducable, man-eater, manger, manna-croup*.

Орудия труда — это, собственно говоря, то, что создал своими руками человек, и то, что помогает человечеству развиваться: *monograph, manometer, manifold, manipulator*.

Восстания, войны являются трагической, но неизбежной характеристикой человеческой цивилизации. Война немислима без орудий смерти: одних они убивали, других спасали. Поэтому в процессе их номинации порой также использовался компонент “*man*”: *man-of-war, mangonel, Manhattan Project, man-to-man*.

Одной из особенностей английского языка является то, что компонент “*man*” является частью слов, обозначающих профессию, положение, должность: *marksman, junkman, airman, barman, artman, milkman*.

Компонент “*man*” часто используется для обозначения принадлежности людей к той или иной нации: *bushman, Chinaman, Dutchman, Englishman*.

Немногочисленна группа «Музыкальные инструменты»: *mandola, mandolin, mandora, mandolinist*. Интересно, что в русском языке им соответствуют существительные женского рода.

Мы также предполагаем, что корень “*man*” имеется в словах, обозначающих вредные привычки, болезненные отклонения, свойственные человеку вообще и мужчине в частности: *mania, kleptomania, megalomania, anglomania, bibliomania, maniac, manic-depressive*.

Тематическая группа «Мужчина — глава» может вызвать споры и неоднозначные суждения. Слова, входящие в её состав, могут одновременно являться членами другой тематической группы. Основной принцип, по которому отбирались слова для этой группы, — это присутствие компонента “*man*”, а при анализе внутренней формы лексических единиц должна ощущаться сила (превосходство) человека над природой, её элементами или какими-либо процессами, а также лексические единицы с внутренним значением главенства. В эту группу, например, мы отнесли следующие слова: *master, man-in-possession, manege, manual craft, mandate, manhattanize*.

Заключение. Структурируя семантическое поле “*man*” на основе отобранного лингвистического материала, отметим, что его ядерными элементами следует признать денотативные семемы, выступающие в качестве основного значения: “*man*”, “*male person*”, “*human being*”. Центральная ядерная семема наиболее ярко репрезентирует концепт “*man*” в сознании носителей английского языка, “*man*” — “*an adult male human being*”. Ядро лексического поля слова “*man*” является полицентрическим, базирующимся на совокупности различных средств (синонимический ряд: “*man*”, “*male person*”, “*human being*”), но оно относится к подтипу полей компактной полицентрической структуры с явно выраженными центрами.

При выстраивании периферии лексемы “*man*” мы выделили два уровня: ближний и дальний. К ближней периферии мы отнесли слова с эксплицитным выражением идеи мужественности: дериваты слова «мужчина» и слов-синонимов, а также квазисинонимы. Это лексемы с меньшей, чем ядерные лексемы, частотностью. Однако для них обязателен признак актуальности в современной жизни. К дальней периферии были отнесены устаревшие и эмоциогенные слова.

Итак, построение семантического поля “*man*” позволило систематизировать состав признаков концепта “*man*”, выделив ядро и обширную периферию, в которой слабо структурированы ближняя и дальняя периферия.

Список цитируемых источников

1. Семме Т. Гендерные исследования в поисках новой мужественности // Журнал гендерных исследований. 2013. № 10 (3868). URL: <http://journal.spbu.ru/?p=1094> (дата обращения: 11.03.2016).
2. Путрова, М. Д. Сопоставительный анализ речевых действий обещания // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 53—59; Miles R. The rights of man: love, sex and death in the making of the male. London, 1991. 261 p.

УДК 811

А. А. Савко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ УБЕЖДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ (СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ)

Введение. Речевое воздействие — это воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [1, с. 51]. Речевое воздействие осуществляется с помощью способов речевого воздействия, которые определяются как совокупность приёмов или операций практической деятельности, соотносимой с иллюкативными целями воздействующего субъекта и подчинённых решению его конкретных задач. К способам речевого воздействия традиционно относят убеждение и внушение (суггестию). Они направлены на разные уровни сознания адресата: знания, отношения и намерения [2, с. 1—3].

Основная часть. Убеждение рассматривается как социальное вербальное действие, направленное на изменение фрагмента концептуальной картины мира адресата таким образом, чтобы он соответствовал фрагменту картины мира адресанта или чтобы мир соответствовал словам. Убеждение проявляется как эксплицитно, так и имплицитно в разных сферах, жанрах и регистрах: в любых сферах социальной интеракции люди утверждают своё «Я», отстаивают свои позиции, добиваются общих взглядов [3, с. 168—169].

При речевом воздействии убеждение реализуется путём выразительных (лексических) и изобразительных (синтаксических) средств с помощью следующих приёмов:

- лесть, выражающаяся в употреблении разнообразных комплиментарных высказываний (благодаря использованию данной тактики, адресат неосознанно стремится оправдать ожидания);
- «подстраивание» под собеседника путём демонстрации эрудированности в вопросах, интересующих его;
- подчёркнутая любезность и выбор наиболее изысканных этикетных формул;
- создание автобиографической легенды человека, пострадавшего за правду, что выражается в использовании слов и оборотов высокого стиля;
- согласие, выражающееся в повторении реплик-согласий;
- разъяснение, которое затем подкрепляется тактикой развёрнутой аргументации, выраженной в использовании антитез, усиливающих эмоциональное воздействие;
- маскировка истинных намерений;
- псевдоблаготворительность [4, с. 38—45].

Таким образом, убеждение является одним из способов речевого воздействия на адресата в целях получения какой-либо информации или воздействия на него для достижения поставленных говорящим целей и реализуется с помощью разнообразных тактик.